

Для цитирования: Подольский, В. А.
 Два подхода к социальной политике
 в немецкой консервативной политической фи-
 лософии конца XX века /
 В. А. Подольский // Социум и власть. — 2023. —
 № 2 (96). — С. 48—58. —
 DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-48-58. —
 EDN APLMCA.

УДК 32.091

EDN APLMCA

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-48-58

ДВА ПОДХОДА К СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В НЕМЕЦКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XX ВЕКА

Подольский Вадим Андреевич,

Институт философии РАН,
 научный сотрудник сектора истории политиче-
 ской философии,
 кандидат политических наук.
 Москва, Россия.
 E-mail: deomniscibili@yandex.ru

Аннотация

Введение. В консервативной политической философии в Германии в конце XX века сложилось два основных подхода к социальной политике. Первый, патерналистский и корпоративистский подход, продолжал линию, устоявшуюся в XIX веке, и предполагавшую активное участие государства в регулировании социальной поддержки. Второй, рыночный, перенимал американские идеи второй половины XX века и предлагал ограничение масштабов социального государства для экономии ресурсов и во избежание негативного влияния на рынок труда.

Цель. Проанализировать аргументы двух направлений немецкого консерватизма конца XX века, их философское происхождение и их значение для политики.

Методы. Статья опирается на сравнительно-исторический подход, анализ институтов и правовых документов и герменевтический метод для изучения политико-административного и идеологического контекста развития немецкого консерватизма в конце XX века.

Научная новизна исследования. Статья фокусирует внимание на интеллектуальном наследии немецких теоретиков, в то время как основное внимание отечественных и зарубежных исследователей консервативной политической философии конца XX века привлекали американские и британские авторы.

Результаты. Ключевые аргументы патерналистского подхода к социальной проблематике включают в себя указание на ответственность элит за благосостояние населения и сильное государства как средство компенсации неравенства в обществе. Доводы рыночного подхода основаны на обращении к идеям гражданской добродетели и защите собственности как ключевым силам, обеспечивающим общественный мир и благополучие.

Выводы. На практике возобладал подход, предлагавший сохранение и расширение социального государства, и благоприятная экономическая конъюнктура, как и институционально-идеологическая инерция, способствовали воплощению решений в рамках этой парадигмы. Но идеи рыночного подхода не потеряли свою актуальность, поскольку нагрузка на социальное государство возрастает из-за старения населения.

Ключевые слова:

социальная политика,
 консерватизм,
 история Германии,
 Г.-К. Кальтенбруннер,
 Г. Рормозер

Введение

Во второй половине XX века термин «консерватизм» в Германии имел негативную коннотацию в академической и политической средах из-за ассоциации с «консервативной революцией» начала XX века и той ролью, которую она сыграла в становлении тоталитарной идеологии. Но спрос на консервативную политическую философию был высок и в контексте противостояния с Советским союзом и коммунистической идеологией, и в спорах с леворадикальными мыслителями и группами, которые получили популярность в 1960-е. Последние десятилетия XX века создали новое измерение, разделившее уже саму консервативную философию. Если с 1940-х до 1970-х рост экономики сопровождался в Европе развитием социального государства, то кризис 1970-х приостановил эту тенденцию. Многие политики и исследователи стали обращать внимание на чрезмерную нагрузку на экономику, создаваемую социальными обязательствами. В Британии и США недовольство результатами социальных программ и государственного вмешательства в экономику привело к появлению неоконсерватизма. Распространилось представление, что частная инициатива сможет лучше справляться с теми вызовами, которые возникали в контексте социальной проблематики, поскольку государственная бюрократия не заинтересована ни в конкуренции, ни в повышении эффективности, ни в качестве предоставляемых услуг, а зависимость граждан от получения помощи снижает их мотивацию к труду. Рыночный подход к социальной политике предлагал приучать население к опоре на собственные силы, к предусмотрительности, трудолюбию, независимости, самоорганизации и указывал на положительный опыт времён промышленной революции. Этот подход был характерен для США и Британии, но встречался и на континенте, в том числе в Германии. Но сохранялся и патерналистский подход, который указывал, что социальные программы должны воспитывать чувство ответственности в элитах и солидарность в получателях помощи, согласно сложившимся со Средних веков традициям.

В качестве представителя патерналистского подхода может быть упомянут философ австрийского происхождения Герд-Кlaus Кальтенбруннер (1939—2011), который с 1962 года проживал в Германии и участвовал в немецком политико-философском дискурсе. Немецкий философ Гюнтер Рормозер (1927—2008) выражал идеи, близкие к

рыночному подходу. Для стран с развитой социальной политикой, в том числе и России, анализ данных подходов представляет большой интерес, поскольку из-за старения населения в XXI веке нагрузка на социальное государство лишь возросла, но из-за политических и культурных факторов сокращение социальной поддержки представляется недопустимым.

Рыночная доктрина была основополагающим элементом в немецкой политике середины XX века. В то же время существенную роль играл и консервативный элемент, связанный с опорой на католическую и лютеранскую церкви. Выразителем консервативной политической философии стала партия «Христианско-демократический союз» при канцлере Германии Конраде Аденауэре. Партия с самого начала своей деятельности уделяла большое внимание социальному обеспечению населения. По мнению Г. Рормозера, смысл такого подхода состоял в том, чтобы сохранить общественный мир, обеспечить доверие и лояльность демократическому и правовому государству [5, с. 131].

Поначалу партия использовала американский подход, говоря о защите частной собственности. Программа IV съезда «Христианско-демократического союза» в 1953 году предполагала, что источником благосостояния будет не государство, а сами граждане [4, с. 15—16]. Согласно идее канцлера Германии Людвиг Эрхарда, принцип «благосостояния для всех» следовало воплощать, создавая всем гражданам равные возможности для участия в экономическом прогрессе. Идея социального рыночного хозяйства включала в себя создание и защиту свободной конкурентной рыночной системы, ограничение роли государства в экономике и антикартельное законодательство, поощрение частной предпринимательской инициативы, выравнивание социального неравенства. Каждый гражданин должен был стать собственником, проявлять дисциплину и нести ответственность, а государственную экономическую политику следовало проводить в интересах общего блага [10]. Социальная политика в стране в середине XX века выстраивалась в рамках католической социальной доктрины. [4, с. 19].

В середине XX века в Германии именно католическая и лютеранская церкви и благотворительные организации были ключевыми силами в разработке и реализации мер социальной защиты, и многие учреждения функционируют как благотворительные до сих пор [18, р. 230]. В законах

о социальной поддержке 1961 года помощь уже называлась правом, в то время как в предыдущих законах указывалась обязанность участников страховых фондов делать отчисления [18, р. 164—165]. Основные инструменты социальной политики в Германии — пенсионное страхование, медицинское страхование, пособия — были созданы ещё в конце XIX — начале XX века. Также на раннем этапе сложился принцип саморегулирования поставщиков социальных услуг, таких, как фонды, медицинские учреждения. Но с 1950-х расходы на социальное государство в Западной Германии начали расти, в частности из-за необходимости конкурировать с Восточной Германией. Изменилась роль пенсионных программ — вместо пособий они стали выполнять функцию замещения зарплаты [18, р. 203]. Роль федеральных субсидий в выплате пенсий снизилась с 50 % до 20 % благодаря экономическому росту [1, с. 97—98] и увеличению ставки взносов в фонды пенсионного страхования. Взносы работника и работодателя были выравнены, ранее работник платил $\frac{2}{3}$ взносов, а работодатель — $\frac{1}{3}$ пенсионное страхование постепенно стало распространяться на все профессии. В 1960-е и 1970-е более, чем в 10 раз возросли расходы на здравоохранение [11, р. 198—211]. Были увеличены с 50 до 90 % зарплаты, выплаты по больничным [18, р. 210], было введено пособие на детей [14, р. 198]. Бесплатным стало образование в высших учебных заведениях [14, р. 204].

В 80-е и 90-е годы был предпринят ряд мер по снижению расходов социального государства и расширению рыночных элементов — появилось право выбора страховой кассы, которая раньше была обусловлена регионом или профессией. Были введены доплаты за некоторые медицинские услуги, лекарства и пребывание в больнице [11, р. 214—216]. Были изменены правила выхода на пенсию, чтобы мотивировать граждан работать как можно дольше — при досрочном выходе пенсионные выплаты снижались [16, р. 129]. Но в основном нагрузка социального государства на бюджетные системы только возрастала — в 90-е было введено право на место в детском саду [18, р. 175], введены налоговые льготы и расширены пособия для семей с детьми [14, р. 198]. Существенный объем средств был потрачен на синхронизацию пенсионных систем Восточной и Западной Германии [16, р. 135]. Также была создана страховка для финансирования долгосрочного ухода за пожилыми, инвалидами и больными, который ранее оплачивался за счёт пособий [14, р. 201].

Методы и материалы

Анализ институтов и нормативно-правовых актов показывает направление государственной политики, которое осмыслили представители немецкой политической философии. Для соотнесения идей изучаемых авторов и политико-философского контекста используется сравнительно-исторический подход. Для выявления отношения авторов к социальной политике используется герменевтический подход, анализируется их мышление об истории, о структуре и функционировании общества. Наиболее важные работы Гюнтера Рормозера, посвященные социальной проблематике — «Кризис либерализма» [5] и «Новый консерватизм: вызов для России» [6], изданные Институтом философии РАН в 1996 году. Герд-Клаус Кальтенбруннер выступил в качестве редактора сборника «Реконструкция консерватизма» (1972), в котором была опубликована его статья «Сложный консерватизм» [13, с. 19—54]. Число книг и статей, посвящённых интеллектуальному наследию Г.-К. Кальтенбрунера, сравнительно невелико и в основном представлено главами в сборниках. Новейшая из книг — это «Хранители концепций» (2023) Мартины Штебер из Лейпцигского университета, которая посвящена сравнению немецкого и британского консерватизма конца XX века [17], также М. Штебер принадлежит опубликованная на русском языке обзорная статья по немецкому консерватизму конца XX века [9]. Среди отечественных статей могут быть упомянуты труды Флоры Ким, посвященные философии Г.-К. Кальтенбрунера [2; 3]. Консервативные идеи Гюнтера Рормозера обычно оценивались в рамках анализа развития немецкой политической философии конца XX века [20]. История социальной политики в Германии исследована гораздо лучше и представлена многочисленными трудами немецких [18] и отечественных [1] авторов.

Результаты

Итак, фактически в Германии во второй половине XX века сосуществовало два варианта консерватизма — один следовал в русле немецкой традиции, второй продолжал идеи британского и американского консерватизма [9, с. 200]. Патерналистско-корпоративистская версия консерватизма видела в эффективности административных механизмов средство обеспечения социальной стабильности и нивелирования тех последствий рыночной экономической дифферен-

циации в обществе, которые создавали риски. Рыночный подход апеллировал к роли государства как гаранта функционирования экономики и критиковал перераспределение, как и в случае с британским и американским консерватизмом второй половины XX века.

Социальная философия Г.-К. Кальтенбруннера

Развитие социального государства и конкуренция с социализмом в Германии второй половины XX века формировали противоречивые установки. Некоторые мыслители и политики видели в социальных расходах гарантию устойчивости общества, а некоторые считали их вредными для морали и экономики. К числу первых относился Г.-К. Кальтенбруннер. Он начинал с симпатий к левым учениям, но постепенно перешёл к консервативным взглядам. Г.-К. Кальтенбруннер реагировал на распространение леворадикальных настроений в 1960-е. По его мнению, леворадикальные движения воплощали якобинство и предлагали идеи, оторванные от реального общества, а настоящую демократию представлял консерватизм благодаря пониманию человеческой природы и фундаментальных условий социальной стабильности. Г.-К. Кальтенбруннер был убеждён, что время либерализма прошло и мир должен вернуться к консервативным смыслам [19, р. 159]. По Г.-К. Кальтенбруннеру, консерватизм более не борется против эмансипационных последствий Просвещения, но сохраняет и защищает степень достигнутой эмансипации: права человека, верховенство права, свободу совести. Э. Бёрка, отмечает Г.-К. Кальтенбруннер, называли либералом, потому что он был консервативен. Новые консерваторы консервативны, поскольку они либеральны. Консерватизм — это осознание того, что результаты освобождения не самоочевидны, что их необходимо защищать от новых форм ограничения и дегуманизации. Эти вызовы, по мнению Г.-К. Кальтенбруннера, исходят не столько от государства, сколько от автократии технологически-индустриального развития, которое должно быть поставлено под контроль, как в своё время абсолютизм государей [13, с. 51]. Из-за множества непредвиденных изменений во всех сферах жизни, серьёзности рисков, вероятности разрушений, роста неравенства требуется долгосрочное планирование, координация, интеграция и стабилизация общества рациональной ад-

министрацией, которая осознавала бы свою ограниченность законами, прецедентами, дееспособной судебной властью [13, с. 49]. Только сильное государство, по мнению Г.-К. Кальтенбруннера, может примирять и контролировать конфликтующие социальные интересы и воздействовать на экологические проблемы. Г.-К. Кальтенбруннер одним из первых среди консерваторов стал активно высказываться в поддержку природоохранных мероприятий [19, р. 160], перечисляя такие консервативные добродетели, как идея сохранения и следование всеобщим принципам [13, с. 49-51].

Для Г.-К. Кальтенбруннера мышление в рамках левой парадигмы означало стремление к диалектическому мышлению [17, р. 244]. Прогресс и его ограничение — два важнейших принципа, пишет Г.-К. Кальтенбруннер. Без ограничения изменений невозможно никакое постоянство, без прогресса всё гниет или каменеет [13, с. 44]. Рассуждая о прогрессе, консерватор спрашивает, до какого предела будет двигаться прогресс, каковы его издержки и что будет утрачено [13, с. 53]. Вред окружающей среде от развития индустриального общества свидетельствовал о том, что идея прогресса как однозначного блага принадлежала восемнадцатому веку и устарела. Г.-К. Кальтенбруннер видел в реакции единственно возможный прогресс в коренным образом изменившемся мире [17, р. 246]. Лучшие времена в мире всегда наступают, когда прогресс и реакция находятся в равновесии. Нравственный долг наиболее культурных людей Г.-К. Кальтенбруннер видит в том, чтобы содействовать прогрессу в дни варварства и сохранению в дни, когда происходит разрушение старины [13, с. 44].

Г.-К. Кальтенбруннер был убежден, что элита играла важную роль в предотвращении духовного и социального распада мира. Поэтому он приписывал «элитный» статус отшельникам, мистикам, аскетам, монахам, мыслителям и писателям [12, р. 151]. Он рассуждал о носителях консерватизма в русле антидемократической немецкой традиции. По его мнению, партии не могли быть представителями консервативных идей, но консерваторы должны были создавать консервативные ячейки, дисциплинированные и организационно связанные, чтобы проникать в «молчаливое большинство». Их начинания дополняли бы гражданские инициативы [17, р. 252—251]. Г.-К. Кальтенбруннер приближался к платоновской идее философов-правителей, которую развивали Аль-Фараби, Маймонид и Лео Штраусс [15, р.

276—277]. В этой парадигме минимальное обеспечение благ для населения — условие устойчивости положения элит [8, с. 104]. Г.-К. Кальтенбруннер указывает, что равенство — это социальное понятие, идеологическое представление и проявляется лишь в ограниченных сферах. Природе неизвестно равенство, и задача общества — учитывать наличествующее неравенство, связанное с естественными предпосылками и уникальным опытом [7, с. 59].

Вследствие своего опыта рефлексии в рамках левой идеологии, Г.-К. Кальтенбруннер проявлял внимание к социальной проблематике. Он использовал фразу «стоять справа, думать слева» австрийского католического консерватора Эрнста Карла Винтера, совмещающая элементы консерватизма и марксизма [17, р. 244]. Рассуждения Г.-К. Кальтенбруннера повторяли идеи немецкого философа Франца Баадера о всеобщей христианской солидарности, с которой он связывал истоки социального консерватизма. Г.-К. Кальтенбруннер указывал на параллели между консервативными и марксистскими идеями в XIX веке [17, р. 249]. Он пишет, что консерватор согласен с К. Марксом в том, что люди должны быть обеспечены материально, чтобы не только заботиться о завтрашнем дне, но и посвящать себя добрым делам и надеждам, жить достойно и с пользой. По мнению Г.-К. Кальтенбруннера, сохранение традиций и устойчивая благодарность со стороны населения возможны в таких условиях, когда даже самый скромный современник получает часть от унаследованного обществом богатства, и тем самым приобретает интерес сохранять его [13, с. 54]. Следуя за Адамом Мюллером и его идеологией целостности, Г.-К. Кальтенбруннер выстраивал свои размышления об общественном единстве [2, с. 76—77]. Он подчеркивал, что современный консерватор не только призывает сохранять, но и достигать того, что следует сохранить [13, с. 54], и знает, что не только многое изменилось, но и что нужно изменить многое [7, с. 70]. Г.-К. Кальтенбруннер ссылается на идею Герберта Маркузе о том, что во второй половине XX века консервативное мышление сформировалось не у паразитарных классов, но у производящих, поскольку у них появилось что-то, кроме их цепей, что они могли потерять. Следовательно, они стали основной консервативной силой [13, с. 50].

Г.-К. Кальтенбруннер считал исходной идеей консервативной политической философии реалистическую антропологию. Он призывал отвечать на вопросы о сути,

потребностях, возможностях и границах человека, об отношении человека к другим людям и к природе. Консерватизм, по мнению Г.-К. Кальтенбруннера, учит становиться и быть человеком [3, с. 44]. Консерватор предпочитает опыт интеллектуальным построениям, поддерживает традиции, привязан к привычному и скептически к инновациям [13, с. 35]. Г.-К. Кальтенбруннер пишет, что консерватор не доверяет планам преобразования мира, даже если они опираются на человеколюбие и обещают рай на земле [13, с. 53]. Консерватор убежден, что ни в государстве, ни в обществе не могут быть воплощены гармония и совершенство, и что и индивид, и коллектив всегда будут сталкиваться с необходимостью выбирать из двух зол [3 с. 45]. Бисмарк, напоминая Г.-К. Кальтенбруннер, говорил, что создать поток времени и управлять им невозможно, можно лишь плыть по нему, проявляя достаточно умения, чтобы не разбиться. Консерватор исходит из конкретных предпосылок и склонен скорее недооценивать, чем переоценивать способности человека [13, с. 35].

Г.-К. Кальтенбруннер в своих рассуждениях приводит три аргумента, опыта, гуманности и глубины, как ориентиры для консервативного мышления. Опыт показывает смертность и ограниченность людей. Гуманность означает недоверие к утилитаристской идее наибольшего счастья для наибольшего числа людей. Консерватор, по мнению Г.-К. Кальтенбруннера, должен стремиться не столько к обеспечению оптимального качества жизни, сколько смягчать наиболее острые нужды и тяготы. Г.-К. Кальтенбруннер критикует радикальную позицию, которая утверждает, что беды мира происходят по вине конкретных лиц или групп. Саму идею, что устранение врагов гарантирует общее счастье, Г.-К. Кальтенбруннер считает неприемлемой для консерватизма. По мнению Г.-К. Кальтенбруннера, консерватизм предупреждает, что способность человека приспособливаться имеет свои пределы, поэтому должны защищаться свобода и индивидуальность человека. Аргумент глубины отсылает к принципам творческой деятельности: консерватор должен не только сохранять верность вечным принципам, но и искать их новое подтверждение, смотреть в будущее [3, с. 48-50]. Г.-К. Кальтенбруннер изложил шесть основополагающих принципов консерватизма в статье «Консерватизм в "постлиберальную эпоху"» (1973): наследие, стабильность, порядок, авторитет государства, пессимизм и свобода [2, с. 76].

В неоконсерватизме конца XX века свобода понималась как необходимое условие для инициативы, творчества, прогресса, как защита от произвола [7, с. 58]. Г.-К. Кальтенбруннер говорил о росте неуправляемости, недоброжелательности ко всякой власти и считал, что необходимо усиление государственного авторитета. По его мнению, идея отмирания государства была утопична: на деле она привела бы к возникновению тоталитарных форм и исчезновению западной политической культуры [7, с. 56]. Тоталитаризм настроен на радикальную ликвидацию потенциальных носителей консервативного отношения, именно поэтому тоталитарные режимы организуют показательные суды и чистки над теми, кто может сохранить историю. Левиафан, указывает Г.-К. Кальтенбруннер, увеличивает свой радикализм до точки саморазрушения — конец света становится подразумеваемым и желанным [13, с. 41—44]. Человечество, полностью подавившее консервативный элемент, не только пало бы жертвой утопической лжи, но и впало бы в варварство [13, с. 48—49]. Консерватор знает, что всё человеческое достоинство связано с воспоминанием и сохранением, именно поэтому так важна история [13, с. 53]. Принцип консерватизма — не позволять себе разорвать нить истории и традиции [13, с. 44].

Социальная философия Г. Рормозера

Идея истории как основы консервативного мышления также была ключевой в социальной и политической философии Гюнтера Рормозера. Он писал об проблеме борьбы с авторитетом истории, укоренившейся в философии со времен Р. Декарта. Логика модерна считала, что для обеспечения автономии индивид должен быть освобожден от тех ограничений, которыми его связывала история. Г. Рормозер пишет, что восстановить значение истории пытался Гердер, описывая уникальность народного духа в противовес уравнивающему универсализму Просвещения. Следствие логики модерна, пишет Г. Рормозер, состоит в том, что она ведёт к новому варварству, поскольку единственной целью человека, лишённого всякой идентичности и связи с историей, назначается удовлетворение потребностей [5, с. 143—148]. Индустриальное общество поглотило историческое сознание, мораль и природу [6, с. 209]. Идея эпохи Просвещения — преодолеть негативные факты истории, материальную нужду и несвободу — была перенята и либерализмом, и социализмом. Г. Рормозер

показывает, что существо спора между либеральным и социалистическим подходами сводилось к методам, а не цели [5, с. 59]. Он указывает, что социалистическая идея создания «Нового человека» — это секуляризованная христианская мысль. Мобилизующая сила социализма была именно в его квазирелигиозной составляющей, пишет Г. Рормозер [5, с. 19—20]. Социализм пытался создать нового человека, который имел бы новые потребности, не был бы эгоистичен, а стремился бы к защите общих интересов. Общие интересы выражало бы государство, а именно политбюро партии, направляемое философией марксизма-ленинизма [5, с. 19—20]. Г. Рормозер отмечает, что человеческая природа содержит некоторое консервативное ядро, и поэтому возможности по изменению человека весьма ограничены [6, с. 107].

Без христианского понимания личности, победа демократии и равенства будет означать упразднение свободы [5, с. 225]. Г. Гегель напоминал, что французская революция принесла такое определение свободы, которое вело к террору. Те, кто не соответствовал критериям добродетели, сформулированным властью, подлежал уничтожению [5, с. 61]. Г. Рормозер считал, что социалистическое представление о справедливости как уравнивании всех в обществе разрушало человека, поскольку уничтожало мотивацию проявлять инициативу, достигать чего-либо, брать на себя ответственность [5, с. 216]. Основной принцип рынка, указывает Г. Рормозер, это конкуренция, когда правильное решение приносит собственнику прибыль, а неверное — убыток. При социализме ответственность за ошибки не несёт никто [5, с. 68]. Социализм, убеждён Г. Рормозер, проиграл, поскольку государство поглотило общество [5, с. 72].

Поскольку справедливость понимается разными группами в разное время по-разному, К. Маркс предлагал не решение социального вопроса, но считал, что надо обеспечить такие условия, когда социальный вопрос не будет возникать. Для этого богатство общества должно быть настолько большим, чтобы хватило всем. Фон Хайек рассуждал иначе, но приходил к похожему умозаключению относительно судьбы рынка. Он указывал, что перераспределение благ с помощью социального государства потребовало бы введения государством таких ограничений рыночной свободы, что уничтожило бы рынок, благодаря которому создавались ресурсы для перераспределения [5, с. 133—134]. Но сама идея создать

с помощью науки и техники такое количество материальной продукции, которое позволило бы удовлетворить все потребности всех людей, объединяла социализм и либерализм [5, с. 133—134]. Практика показала, что социализм был менее эффективным путём [5, с. 67]: капиталистическая Германия ближе всех других стран подошла к удовлетворению спроса на материальные блага [5, с. 26].

Либерализм, рассуждает Г. Рормозер, вступает в сложные отношения с государством. С одной стороны, либерализму необходимо сильное, дееспособное государство. Без государства не может функционировать рынок из-за тенденции к монополизации, которая уничтожает принцип свободной торговли и, следовательно, сам рынок [5, с. 138]. Либерализм не может преодолевать серьёзные кризисы, когда институты не работают, когда не соблюдаются законы [6, с. 107]. С другой стороны, либерализм вытесняет государство, поскольку предполагается, что отношения в обществе при либерализме постепенно перейдут от господства к соглашениям, и вместо власти останутся только функции и процедуры, указанные в договорах [6, с. 65]. Г. Рормозер приводит аргументацию Платона, Аристотеля и Гегеля, указывая, что государство необходимо, поскольку воспитывает гражданские добродетели [5, с. 96]. Он считает, что сила правового государства зависит от того, насколько каждый гражданин мыслит в правовых категориях, и, следовательно, сила правового государства определяется историей, культурой, религией [6, с. 47]. Справедливость, по мнению Г. Рормозера, это не предмет политического предписания, но результат самореализации человека. Добродетель, по Платону и Сократу, и приверженность демократии, это не столько принцип организации, сколько культура, воплощение правового сознания, которое, в свою очередь, должно быть результатом надлежащего воспитания [5, с. 164—165]. Необходимо нравственное государство, которое защитит общество от разложения, а основа для сохранения нравственности, по Гегелю — это христианская община [5, с. 65]. Если люди не видят смысла в жизни, они начинают саморазрушение. От саморазрушения человека может удержать только религия [5, с. 195—196]. Материальное неравенство перестает быть проблемой, если люди ожидают уравнивающей всех справедливости от Творца [5, с. 214]. Именно из христианства в европейской мысли выросло понимание свободы, уверен Г. Рормозер [6, с. 203]. Ссылаясь на Гегеля, Г. Рормозер увязывает

свободу и собственность как ключевые консервативные принципы. Пространство свободы, согласно Гегелю, создает частная собственность [6, с. 46]. По мнению Г. Рормозера, собственность и семья — основания консерватизма. Те, у кого нет семьи, оказываются в положении пролетариата по Марксу, то есть им нечего терять и, уточняет Г. Рормозер, у них нет интереса сохранять мир [6, с. 115]. Г. Рормозер убеждён, что семья спасает общество от распада, связанного с дисфункциями социального государства [5, с. 260]. Он также указывает на значение нравственной составляющей в обеспечении социальной защиты — по его мнению, сочувствие, милосердие и мораль имеют большее значение, чем бюрократический компонент [5, с. 139—140].

Рост социального государства привёл к конфликту между принципами правового и социального государства, рассуждает Г. Рормозер, идея равенства разрушает идею свободы [5, с. 82]. Рынок основан на индивидуальных решениях и ответственности. Социальное государство — на принципе коллективной солидарности. По мнению Г. Рормозера, социальное государство из-за избыточного регулирования и перераспределения оказывает отрицательное влияние на экономику. Во-первых, господство бюрократии заняло то место, которое занимало господство капиталистов. Социальное государство ограничивает свободу выбора для индивида, предлагая типовые варианты, которые могут не учитывать уникальные обстоятельства каждого работника. Бюрократия имеет собственный интерес, переплетающийся с политическим [5, с. 136—139]. Для того, чтобы получить власть в государстве, достаточно провозгласить какую-то проблему социальной, а затем организовать перераспределение ресурсов для её решения, пишет Г. Рормозер [5, с. 132]. Такой подход превращает политику в процесс перераспределения и устраняет гражданскую добродетель, поскольку приучает граждан только требовать, а не отдавать [6, с. 80]. Во-вторых, социальные программы создают такую нагрузку на предпринимателей, что им становится более выгодно создавать рабочие места в других государствах, от чего падает конкурентоспособность. Г. Рормозер призывал к реформированию социальной поддержки, снижению роли государства [5, с. 138—139]. Он считал, что налоговая система Германии носит конфискационный характер, а путем к благосостоянию было создание условий для частной инициативы, то есть снижение налогового бремени

[5, с. 71]. Он указывал, что по демографическим показателям сохранение социального государства в Германии без изменений невозможно, оно всё больше финансируется в кредит, за счёт будущих поколений [5, с. 26].

Идея полного удовлетворения материальных потребностей оказалась недостижимой, пишет Г. Рормозер [5, с. 92]. Более того, попытка нарастить производство благ до такого уровня, чтобы все люди потребляли столько же, сколько и жители индустриальных государств, создает колоссальное давление на окружающую среду [6, с. 217]. Социальное государство, по мнению Г. Рормозера, более не подходит для выполнения функции объединяющей государство силы [5, с. 141]. Его место должно занять обращение к истории, восстановление религии и национального сознания [6, с. 160]. Идея конца истории, характерная и для либерализма, и для социализма, пришла из просвещенческих попыток освободить человека от истории. Г. Рормозер указывает на несостоятельность этой идеи. Во-первых, после провала социалистического эксперимента началось восстановление исторической памяти через обращение к национальному сознанию [5, с. 149]. Г. Рормозер ссылается на К. Шмитта и Ж. Ж. Руссо, указывая, что для демократии требуется гомогенность [6, с. 98]. Гетерогенность как основа общества подрывает его дееспособность, поскольку устраняет смысл служения. Именно народ сохраняет историю, уверен Г. Рормозер [5, с. 145]. Во-вторых, либерализм основан на критике и не имеет субстанции [6, с. 64], поэтому нужен синтез либерализма и консерватизма, чтобы сохранять те свободы, которые приобрела Европа [5, с. 13]. По мнению Г. Рормозера, консерватизм как политическая философия не только не устарел, но необходим для контроля над ходом развития общества и государства [6, с. 98]. Именно консерваторы, напоминает Г. Рормозер, от О. фон Бисмарка до К. Адэнауэра, были архитекторами всех ключевых немецких социальных программ [6, с. 216], а саму идею социального государства создала немецкая философская традиция: автором термина был Лоренц фон Штейн, следовавший за логикой Гегеля [5, с. 81].

Заключение

Политическая философия Г.-К. Кальтенбруннера и Г. Рормозера имеет ряд общих идей и отличий. Объединяет авторов типичный для немецкой политической философии подход через проблематизацию коллектив-

ных аспектов социальных отношений, а не через интересы атомарного индивида, как в британской и американской традициях. Оба автора крайне осторожны в формулировании конкретных рецептов социальной политики. Г.-К. Кальтенбруннер говорил о том, что социальное неравенство — это данность, которую нельзя устранить, но необходимо учитывать в управлении, и что социальная политика должна быть направлена на обеспечение прожиточного минимума. Г. Рормозер обращал внимание на вызовы, которое создавало социальное государство, на рост государственного долга и передачу проблем будущим поколениям. Основой правильной социальной политики Г. Рормозер считал милосердие. Оба автора видели в социальном государстве необходимое условие для функционирования демократии: люди должны не только иметь права, но и возможность их реализовать. Если Г.-К. Кальтенбруннер говорит о том, что социальная безопасность необходима для культурной и интеллектуальной жизни человека, то Г. Рормозер указывает разработку социальной политики в качестве задачи для консерватизма. Г.-К. Кальтенбруннер видит больше силы в институтах, а Г. Рормозер — в морали. Г.-К. Кальтенбруннер поэтому защищает идею сильного государства, а Г. Рормозер отдает приоритет семье и частной инициативе. Если Г.-К. Кальтенбруннер, следуя за Платоном и Лео Штрауссом, полагает, что группы интеллектуалов имеют ключевое значение для направления общественной политики, то Г. Рормозер, апеллируя к Г. Гегелю, считает ключевой силой общину. Г.-К. Кальтенбруннер начинал строить свои рассуждения из предпосылок, заимствованных из социального католицизма XIX—XX века, но в основном оперирует нерелигиозными доводами. Г. Рормозер выражал поддержку лютеранству, хотя его аргументация опирается на внеконфессиональные христианские ценности. Оба автора апеллировали к важности истории, как средства поддержания солидарности и как источнику стабилизирующих общество традиций, и скептически относились к утопиям, говорили об ограниченности человеческой природы. Оба указывали на ключевую роль общественного единства, но исходили из разных предпосылок — Г.-К. Кальтенбруннер, вслед за романтиками XIX века, опирался на идею целостности, а Г. Рормозер апеллировал к идеям Ж.-Ж. Руссо и К. Шмитта о функциональности демократии. Оба считали, что либерализм исчерпал себя, а консерватизм должен стать той

силой, которая позволит защитить важнейшие достижения либерализма — правовое государство, свободу слова, рыночные механизмы. Оба автора подчеркивали важность защиты окружающей среды, причём Г. Рормозер связывал проблемы социального государства и экологии: по его мнению, попытки использовать перераспределение и индустриальную экономику, чтобы весь мир приблизился по своему потреблению к наиболее богатым странам, означали нанесение непоправимого вреда природе, и потому были недопустимы.

Попытки перестроить логику социального государства в Германии в 80-е и 90-е носили ограниченный характер, и система не приблизилась к американскому варианту. Вопреки пожеланиям Г. Рормозера, значение рыночного элемента не возросло в немецкой системе социальной поддержки. Возобладала система, которую поддерживал Г.-К. Кальтенбруннер, повторяя фразу «Стоять справа, думать слева». Институциональная инерция стала тем консервативным фактором, который содействовал сохранению основной архитектуры в неизменном виде. Несмотря на критическое отношение Г. Рормозера к немецкому социальному государству, оно во многом реализует консервативный принцип гражданской добродетели, поскольку социальная поддержка по-прежнему опирается на страховую принцип и логику солидарности, когда получатели пособий тоже осуществляют страховые отчисления в фонды, и ответственности, представленной большой ролью самоуправления. Также оно сохраняет элементы католической социальной доктрины, поскольку многие учреждения функционируют как благотворительные. Для России представляет ценность не только изучение особенностей функционирования немецкой системы социальной поддержки, но и анализ консервативных взглядов на социальную политику. Идеи Г. Рормозера важны для определения границ социального государства, а рассуждения Г.-К. Кальтенбруннера — для обоснования ответственности государства и элит за благосостояние граждан.

1. Зимаков, А. В. Пенсионная система ФРГ: эволюция или революция? / А. В. Зимаков // Современная Европа. — 2016. — № 4 (70). — С. 94—103.

2. Ким, Ф. С. «Просвещённый консерватизм» Г.-К. Кальтенбруннера и „gesellschaft

für ganzheitsforschung“ / Ф. С. Ким // Грамота. — 2017. — № 7(81). — С. 75—78.

3. Ким, Ф. С. Героический пессимизм просвещенного консерватора: Герд-Клаус Кальтенбруннер / Ф. С. Ким // Гуманитарные и социальные науки. — 2011. — № 4. — С. 43—52.

4. Левченко, М. В. Конрад Аденауэр и германский консерватизм 50-60 гг. XX века : дис. ... канд. ист. наук / М. В. Левченко. — Казань : Казанский государственный университет, 2004. — 203 с.

5. Рормозер, Г. Кризис либерализма / Г. Рормозер. — Москва : Институт философии РАН, 1996. — 292 с.

6. Рормозер, Г., Френкин А. А. Новый консерватизм: вызов для России / Г. Рормозер, А. А. Френкин. — Москва : Институт философии РАН, 1996. — 237 с.

7. Современный консерватизм / К. С. Гаджиев, С. П. Перегудов, В. А. Скороходов и др. — М. : Наука, 1992. — 264 с.

8. Шамшурин, В. И. «Концепция Фрасимаха» и социально-политический опыт консерватизма / В. И. Шамшурин // Социологические исследования. — 1994. — № 5. — С. 103—110.

9. Штебер, М. «1968» как год консерваторов, или разделение мнений. Либеральный консерватизм и «новые правые» / М. Штебер // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. — 2016. — № 5. — С. 194—207.

10. Эрхард, Л. Благосостояние для всех / Л. Эрхард. — Москва : Дело, 2001. — 332 с.

11. Companje, K. P. Two centuries of solidarity. German, Belgian and Dutch social health insurance 1770—2008 / K. P. Companje, R. H. M. Hendriks, K. F. E. Veraghtert, B. E. M. Widdershoven. — Amsterdam : Aksant, 2009. — 393 p.

12. Giubilei, F. The history of European conservative thought / F. Giubilei. — Washington : Regnery Gateway, 2019. — 256 p.

13. Kaltenbrunner, G. K. Der schwierige Konservatismus / G. K. Kaltenbrunner // Rekonstruktion des Konservatismus / Hrsg. G.K. Kaltenbrunner. — Freiburg im Breisgau : Rombach, 1972. — S. 19—54.

14. Kaufmann, F. X. Variations of the Welfare State: Great Britain, Sweden, France and Germany between Capitalism and Socialism / F. X. Kaufmann. — Berlin : Springer, 2013. — 260 p.

15. Leo Strauss on Maimonides. The Complete Writings. Ed. by Green K. H. — Chicago : Chicago university press, 2003. — 654 p.

16. Schludi, M. The Reform of Bismarckian Pension Systems. A Comparison of Pension

Politics in Austria, France, Germany, Italy and Sweden / M. Schludi. — Amsterdam : Amsterdam University Press, 2005. — 311 p.

17. Steber, M. The Guardians of Concepts. Political Languages of Conservatism in Britain and West Germany, 1945-1980 / M. Steber. — New-York : Berghahn Books, 2023. — 553 p.

18. Stolleis, M. History of Social Law in Germany / M. Stolleis. — Berlin: Springer, 2013. — 264 p.

19. Suvanto, P. Conservatism from the French Revolution to the 1990s. / P. Suvanto / Transl. from Finnish by R. Fletcher. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 1997. — 224 p.

20. Woods, R. Germany's New Right as Culture and Politics / R. Woods. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2007. — 193 p.

References

1. Zimakov A.V. (2016) Pensionnaya sistema FRG: evolyutsiya ili revolyutsiya? [FRG pension system: evolution or revolution]. *Sovremennaya Yevropa*, no. 4 (70), pp. 94-103 [in Rus].

2. Kim F.S. (2017) «Prosveshchenny konservativizm» G.-K. Kaltenbrunnera i „gesellschaft für ganzheitsforschung“ [“Enlightened conservatism” of G.-K. Kaltenbrunner and „gesellschaft für ganzheitsforschung“]. *Gramota*, no. 7(81), pp. 75-78 [in Rus].

3. Kim F.S. (2011) Geroicheskiy pessimizm prosveshchennogo konservatora: Gerd-Klaus Kaltenbrunner [Heroic pessimism of the enlightened conservative: Gerd-Klaus Kaltenbrunner]. *Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki*, no. 4, pp. 43-52 [in Rus].

4. Levchenko M.V. (2004) Konrad Adenauer i germanskiy konservativizm 50-60 gg. XX veka [Konrad Adenauer and the German conservatism of the 50-60's of the 20th century]. Thesis. Kazan, 203 p. [in Rus].

5. Rormozer G. (1996) Krizis liberalizma [Crisis of the liberalism]. Moscow, Institut filosofii RAN, 292 p. [in Rus].

6. Rormozer G., Frenkin A.A. (1996) Novyy konservativizm: vyzov dlya Rossii [New conservatism: a challenge for Russia]. Moscow, Institut filosofii RAN, 237 p. [in Rus].

7. Sovremennyy konservativizm [Contemporary conservatism] (1992) / K.S. Gadzhiev, SP. Peregodov, V.A. Skorokhodov et al. Moscow, Nauka, 264 p. [in Rus].

8. Shamshurin V.I. (1994) «Kontseptsiya Frasinakha» i sotsialno-politicheskiy opyt

konservativizma [“Thrasymachus concept” and social-political experience of conservatism]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 5, pp. 103-110 [in Rus].

9. Shteber M. (2016) «1968» kak god konservatorov, ili razdeleniye mneniy. Liberalny konservativizm i «novyye pravyye» [“1968” as the year of the conservatives, or division of opinions. Liberal conservatism and the New Right] *Istoricheskiye issledovaniya. Zhurnal Istoricheskogo fakulteta MGU imeni M.V. Lomonosova*, no. 5, pp. 194-207 [in Rus].

10. Erkhart L. (2001) Blagosostoyaniye dlya vsekh [Welfare for all]. Moscow, Delo, 332 p. [in Rus].

11. Companje K.P., Hendriks R.H.M., Veraghtert K.F.E., Widdershoven B.E.M. (2009) Two centuries of solidarity. German, Belgian and Dutch social health insurance 1770-2008. Amsterdam, Aksant, 393 p. [in Eng].

12. Giubilei F. (2019) The history of European conservative thought. Washington, Regnery Gateway, 256 p. [in Eng].

13. Kaltenbrunner G.K. (1972) Der schwierige Konservativismus // Rekonstruktion des Konservativismus / Hrsg. G.K. Kaltenbrunner. Freiburg im Breisgau, Rombach, S. 19-54 [in Ger].

14. Kaufmann F.X. (2013) Variations of the Welfare State: Great Britain, Sweden, France and Germany between Capitalism and Socialism. Berlin, Springer, 260 p. [in Eng].

15. Leo Strauss on Maimonides (2003) The Complete Writings. Ed. by Green K.H. Chicago, Chicago university press, 654 p. [in Eng].

16. Schludi M. (2005) The Reform of Bismarckian Pension Systems. A Comparison of Pension Politics in Austria, France, Germany, Italy and Sweden. Amsterdam, Amsterdam University Press, 311 p. [in Eng].

17. Steber M. (2023) The Guardians of Concepts. Political Languages of Conservatism in Britain and West Germany, 1945-1980. New-York, Berghahn Books, 553 p. [in Eng].

18. Stolleis M. (2013) History of Social Law in Germany. Berlin, Springer, 264 p. [in Eng].

19. Suvanto P. (1997) Conservatism from the French Revolution to the 1990s. / Transl. from Finnish by R. Fletcher. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 224 p. [in Eng].

20. Woods R. (2007) Germany's New Right as Culture and Politics. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 193 p. [in Eng].

Статья поступила в редакцию 04.04.2023

For citing: Podolsky, V. A. Two approaches to social policy in the German conservative political philosophy of the late XX century / V. A. Podolsky // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 2 (96). — P. 48—58. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-48-58. — EDN APLMCA.

UDC 32.091

EDN APLMCA

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-48-58

TWO APPROACHES TO SOCIAL POLICY IN THE GERMAN CONSERVATIVE POLITICAL PHILOSOPHY OF THE LATE XX CENTURY

Vadim A. Podolsky,

Institute of Philosophy RAS,
Research Fellow, Department of the History
of Political Philosophy,
Cand. Sc. (Political Sciences).
Moscow, Russia.
E-mail: deomniscibili@yandex.ru

Abstract

Introduction. In conservative political philosophy in Germany at the end of the 20th century, there developed two main approaches to social policy. The first one, paternalistic and corporatist approach continued the line that had been established in the 19th century and assumed the active participation of the state in regulating social support. The second, the market one, adopted American ideas of the second half of the 20th century and proposed limiting the scope of the welfare state in order to save resources and avoid a negative impact on the labor market.

The purpose of the study is to analyze the arguments of the two directions of German conservatism at the end of the 20th century, their philosophical origin and their significance for politics.

Methods. The article is based on the comparative historical approach, analysis of institutions and legal documents, and the hermeneutic method for studying the political, administrative and ideological context of the development of German conservatism at the end of the 20th century.

Scientific novelty of the research. The article focuses on the intellectual heritage of German theorists, while the main attention of domestic and foreign researchers of conservative political philosophy of the late 20th century was attracted by American and British authors.

Results. The key arguments of the paternalistic approach to social issues include pointing out the responsibility of elites for the well-being of the population and a strong state as a means of compensating for inequality in society. The arguments of the market approach are based on the appeal to the ideas of civic virtue and the protection of property as key forces that ensure social peace and well-being.

Conclusions. In practice, the approach that offered the preservation and expansion of the welfare state prevailed, and favorable economic conditions, as well as institutional and ideological inertia, contributed to implementing solutions within the framework of this paradigm. But the ideas of the market approach have not lost their relevance, since the burden on the welfare state increases due to the aging of the population.

Keywords:
social politics,
conservatism,
history of Germany,
G.-K. Kaltenbrunner,
G. Rohrmoser